

DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.010
УДК 34(37) + 34(495) + 34:2

А. Б. Ванькова
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ВИЗАНТИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВОЗМОЖНОСТИ РАБА СТАТЬ МОНАХОМ*

В Византийской империи, несмотря на то, что она была христианским государством, продолжал существовать институт рабства. Однако христианская идеология, которая могла бы вступить в конфронтацию с социальной реальностью, в действительности мирно уживалась с ней во многих областях. Цель данной работы показать, как происходила интеграция социального института рабства с религиозным, а именно монашества, какое это нашло отражение в светском и церковном законодательстве, а также в канонистике. Происходила ли с течением времени гуманизация и смягчение законодательства, чем отличались подходы светского и церковного права к этим вопросам? Вопрос интеграции рабов в монашество рассматривается в статье в контексте всего византийского тысячелетия. Источниковой базой исследования служат памятники светского (закон Валентиниана III, конституции, включенные в Кодекс Юстиниана, новеллы Юстиниана, Эклога, Василики, новеллы Льва VI) и церковного законодательства (каноны Гангрского и Халкидонского соборов, апостольские правила), светско-церковного права (Номоканон XIV титулов), произведения канонистов (Зонары, Аристина и Вальсамона, Матфея Властаря), извлечения из Правил Василия Великого, Правил Пахомия и Жития Ипатия Руфинианского. В статье сделан вывод, что в каноническом праве и сочинениях канонистов позиция Церкви выражена предельно ясно — раб без воли господина не мог стать монахом, клириком или епископом. Канон, принятый в 451 г., впоследствии не изменялся. О гуманизации законодательства можно говорить применительно к новеллам Юстиниана — императора, предоставившего всем — и рабам, и свободным — право (почти в равной мере)

*Работа выполнена по гранту РФФИ 16-01-00134 «Византийское монашество IV–XV вв.: традиции и новаторство».

© Ванькова А. Б., 2018

следовать своему религиозному призванию. Раб, принявший схиму, становился условно свободным, поскольку если он покидал монастырь, то возвращался в свое прежнее состояние.

Ключевые слова: римское право; византийское право; церковное право; раб; монастырь.

Цитирование: Ванькова А. Б. Византийское законодательство о возможности раба стать монахом // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 126–141.

Поступила в редакцию 04.12.2017

Принята к печати 09.01.2018

A. B. Vankova

*Institute of World History
Moscow, Russia*

BYZANTINE LEGISLATION ON THE POSSIBILITY FOR A SLAVE TO BECOME A MONK

Byzantium retained the institute of slavery despite being a Christian state. Christian ideology was to come into a confrontation with social reality, but in fact both coexisted peacefully in many spheres. This paper aims to demonstrate the ways along which the integration of the social phenomenon of slavery with the religious institute of monasticism took place, i.e. how this process is reflected in laic and ecclesiastic law, as well as canonistics. Did the humanisation and mitigation of law occur over time? Was there any difference between the approaches of laic and ecclesiastical law, and canonistics? The article considers the question of slaves' integration into monkhood in the context of the entire Byzantine millennium. The research is based on documents of civil law (the law of Valentinian III, the constitutions included in the *Codex Justinianus*, *Justinian's Novels*, the *Ecloga*, *Basilika*, and *Leo VI's Novels*), ecclesiastical law (the Canons of the Councils of Gangra and Chalcedon, and the apostolic rules), secular and ecclesiastical law (the *Nomokanon* in 14 titles), works of canonists (Zonaras, Aristenos, and Balsamon, Matthew Blastares), as well as some extracts from the *Rules* of Basil the Great, Pachomius, and the Life of Hypatius of Rufiniana. The article concludes that in Canon law and writings of canonists, the position of the Church is abundantly clear: a slave may not become a monk, cleric or bishop without his master's authorisation. The canon of 451 was adopted once and for all, it did not undergo any change. It is under the terms of *Justinian's Novels* that the humanisation of law can be stated. This Emperor granted all men, both slaves and free ones, the right (almost in equal measure) to follow their religious vocation. Having put on a monastic habit, a slave became conditionally free, for he was to return to his previous status when leaving his monastery.

Keywords: Roman law; Byzantine law; church law; slave; monastery.

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the *Russian Foundation for Basic Research* (RFBR) "Byzantine Monasticism, the 4th–15th Centuries: Traditions and Innovation."

Citation: Vankova, A. B. (2018). Vizantiiskoe zakonodatel'stvo o vozmozhnosti raba stat' monakhom [Byzantine Legislation on the Possibility for a Slave to Become a Monk]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 1 (172), 126–141.

Submitted on 04 December, 2017

Accepted on 09 January, 2018

В заглавие статьи вынесено соположение византийского светского и церковного права, касающееся приема рабов в монастырь. Первое опиралось на римское классическое право, второе — на Священное Писание. Учебник римского права — Институции — предельно ясно проводит границу между рабом и свободным: «в праве лиц наивысшее разделение заключается в том, что все люди являются либо свободными, либо рабами. И свобода есть, откуда также [люди] называются свободными, естественная возможность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом. Рабство же, напротив, установление международного права, согласно которому некто противно природе подчинен чужой власти» [I.J.I. 3. Pr.-2 (Corpus Juris civilis, vol. I, p. 2)].

Творцы церковного права, в свою очередь, не должны были забывать слова апостола Павла о том, что среди последователей Христа нет ни раба, ни свободного (Гал. 3:28). Однако они ясно понимали, что реалии империи Ромеев отличались от христианского идеала. Рабство, широко распространенное в античном, в том числе в римском мире, перешло по наследству византийскому обществу¹. Здесь им на помощь снова приходил апостол Павел, уже в I в. столкнувшийся с этой проблемой. Так, в послании к Ефессянам он предписывает рабам повиноваться «господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Еф. 6:5). Та же мысль о едином Господине, рабами Которого являются христиане, звучит и в Первом послании к Коринфянам: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» (1 Кор. 7. 20–22).

В задачу статьи не входит рассмотрение взглядов отцов Церкви и в более широком плане — церковных писателей — на проблему существования рабства в христианской империи, мы не будем подробно рассматривать и историю законодательного урегулирования статуса рабов. Наша цель более скромная — проанализировать частный аспект, а именно проблему приема раба в монастырь, в которой как в капле воды сфокусировались все антиномии византийской

¹ О существовании рабства и его законодательном урегулировании см.: [Hadjinicolaou-Marava; Melluso; Rotman, 2009]. Нам, к сожалению, остались недоступны следующие две работы: [Köpsstein; Rotman, 2004].

мысли по вопросу рабства. Нам предстоит найти ответы на вопросы, претерпела ли позиция светских и церковных властей какие-либо изменения с течением времени и в связи со сменой социальных условий, влияло ли укоренившееся христианство на отношение самих законодателей к уходу рабов в монастырь. Еще одна проблема связана со статусом рабов, ушедших в монастырь — становились ли они свободными, оставались рабами или же были условно свободными.

Источниками нашего исследования стали дошедшие до нас памятники светского и церковного права, относящиеся ко всей тысячелетней истории Византии. Достаточно рано произошел их синтез в особых сборниках — Номоканонах, одним из самых известных среди которых был Номоканон в 14 титулах. Привлечены к рассмотрению и толкования трех самых известных византийских канонистов — Аристина, Зонары и Вальсамона. Последним, самым поздним источником станет Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. Прочие источники мы будем привлекать спорадически, в случае необходимости проиллюстрировать положения законов.

Ранневизантийское монашество долгое время не привлекало внимание церковных и светских законодателей. Первые дошедшие до нас законы императоров относятся к 70-м гг. IV в., а каноны касательно монашества были выработаны еще позже — в 451 г. на IV Вселенском соборе. Но среди памятников канонического права содержатся каноны Гангрского поместного собора. Хотя они и оперируют терминами «домонашеской» эпохи, называя адресатов своих правил евстафианами и аскетами, а их подвиг аскезой, тем не менее, картина злоупотреблений, нарисованная отцами собора, дает возможность называть евстафиан монахами, а их образ жизни монашеским². Третье правило этого собора гласит: «Если кто учит раба под предлогом благочестия презирать господина, и удаляться от служения (*ἀναχωρεῖν τῆς ὑπηρεσίας*) [ему], и не повиноваться своему господину с благоволением и всякой честью, да будет ему анафема» [РП, т. 3, с. 102]. Не вдаваясь в сложности генезиса монашества в Малой Азии и характера общин Евстафия Севастийского, против которых направлены каноны собора, можно смело считать этот канон первым, трактующим проблему принятия рабом монашеской схимы.

Следующее установление церковного права по интересующей нас проблеме — это четвертое правило Халкидонского собора, которое постановляет принимать рабов только с согласия их господ. В противном случае нарушители отлучаются. Отцы собора многозначительно добавляют: чтобы «не хулилось имя Божие» [Acta conciliorum oecumenicorum, p. 159]³.

² С актами этого собора связано большое число источниковедческих проблем, которые наиболее исчерпывающе перечислены в статье Грибомона [Gribomont]. Большинство ученых датируют собор 40-ми гг. IV в.: Грибомонт — 341 г. [Ibid., p. 400]; Бек — сер. IV в. [Beck, p. 50]; Годэмэ — 343 г. [Gaudemet, p. 42–43].

³ Дж. Бароне-Адези делает, на наш взгляд, справедливое замечание: «Дозволение господина целенаправленно отдается в руки *dominus fidelis*, за которым предположительно признается право признать, на выбор, или прошение раба о пострижении, или Павлово приглашение принять — в случае побега — беглого раба обратно как брата. Соответственно этому воззрению, данная норма имплицитно лишает всякой защиты права рабовладельца-язычника, который оказывался не защищенным этим канонам, поскольку был не в состоянии выбрать один из двух вариантов, доступных рабовладельцу-христианину» [Barone-Adesi, p. 300].

А. Хаджиниколау-Марава метко замечает, что «в этом случае, когда можно было думать, что каноны могли бы иметь точку зрения, отличную от точки зрения светского закона, мы засвидетельствуем, что канон опережает закон, который лишь подтверждает соборное правило» [Hadjinicolau-Marava, p. 19].

Интересно привести здесь 82-е правило святых апостолов⁴, которое, хотя и касается не пострига раба, а его рукоположения, весьма любопытно своей аргументацией, аналогичной, как мы увидим, и аргументации касательно рабов, стремившихся стать монахами: «Мы не позволяем рукополагать рабов в клир без согласия их господ, к огорчению владеющих ими господ. Ведь это производит разрушение домов. Если же, когда явится достойным раб рукоположения в церковную должность, как явился и наш Онисим, и господа согласятся и освободят, и из дома отпустят, то да будет по сему» [РП, т. 2, с. 105].

Подытожим данные источника: для поставления раба необходимо согласие господ, рукоположение не влечет за собой автоматическое упразднение рабского статуса, а потому освобождение должно предшествовать рукоположению. Можно предположить, что власть господина над вольноотпущенниками не распространялась на рукоположенных бывших рабов, косвенным свидетельством этого могут являться слова «и из дома отпустят».

В канонические сборники византийской Церкви были включены, помимо канонов соборов, также и канонические послания отдельных отцов Церкви. Важное место среди них занимает Василий Великий. И хотя текст, который мы хотим привести, не является отрывком из канонических посланий, тем не менее, он входит в состав памятника, оказавшего большое влияние на судьбу византийского монашества. Мы имеем в виду «Правила, пространно изложенные». 11-й вопрос звучит просто: «О рабах». Василий Великий не был сторонником пострига рабов без согласия их хозяев: «Сколько бы ни было находящихся под игом рабов, прибегающих к братствам (монастырям. — А. В.), следует их отослать обратно господам, образумив их и усовершенствовав (βελτιωθέντας)». В подтверждение своей позиции Василий был вынужден опереться на опыт апостола Павла, тот самый пример с Онисимом, который мы видели в правилах святых апостолов. Далее он уточняет свою позицию: вразумлению должен подвергнуться не только раб, которому следует понять, что рабское состояние, переносимое благоугодно (εὐαρέστως) Господу, дарует Царство Небесное, но и хозяин — «может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного» (Филим. 1:15–16). В случае если раб бежал в монастырь из-за жесткости господина или же если хозяин заставляет его поступать противно заповедям, то должно проверить, не совершил ли что-либо сам раб неугодное Богу, за что и страдает. Игумену, следовательно, предстоит сделать выбор: или убедить раба терпеливо

⁴ Происхождение и датировка памятника является предметом дискуссии, см.: [Цыпин, Литвинова]. А. Шминк датирует его концом IV в. [Schminck].

переносить все, или самому пострадать в случае своего согласия принять раба против воли господина [PG, XXXI, col. 948].

О том, что позиция Василия Великого не была исключением, свидетельствует такой памятник Пахомианской традиции, как «Правила» (Praecepta). 49-е правило требует от добывающегося пострига сообщить, «что он не сделал ничего плохого, и что не пришел сюда на (короткое) время, побужденный страхом, и что не находится под чьей-то властью (*sub aliqua potestate sit*)...» [Pachomiana latina, p. 25].

Правила Пахомия и Василия Великого выражают мнение одной части Церкви, едва ли не бóльшей, а Житие Ипатия, источник середины V в. [Callinicos] — точку зрения другой части. Так, он принял в своем монастыре несколько рабов Монаксия, желавших стать монахами, и отказался их выдать, когда Монаксий, узнав, где находятся его рабы, потребовал их вернуть. Впоследствии Монаксий, убежденный наставлениями Ипатия, позволил своим рабам остаться в монастыре и получил от Ипатия благословение. Монаксий — лицо историческое, он был префектом Константинополя в 408–409 гг. и префектом претория в 414 и 416–420 гг., а также консулом (419 г.); последнее позволяет датировать события, поскольку в Житии Монаксий назван «бывшим консулом» (τοῦ ἀπὸ ὑπάτων) [Ibid., 21.1], а также указано, что «трижды он был префектом претория» (καὶ τρίς ἑπαρχος γινόμενος) [Ibid., 21.11]. Отметим несколько ключевых, на наш взгляд, моментов. На первое требование Монаксия вернуть рабов Ипатий отвечает «они прибегли к Богу» (κατέφυγον) [Ibid., 21.7]. Глагол κατέφυγον сразу обращает к очень непростой теме убежища в церквях и монастырях. Как сюжеты пострига раба и убежища пересекаются, мы покажем далее. Интересно также обоснование Ипатием своего отказа выдать рабов: «Если ты подумаешь, так как свойственно людям, то они твои рабы; а если ты подумаешь, как свойственно рассуждать в божественном, то они не твои рабы, но со-рабы. Если ты их удалишь от общего господина — Бога, то что Он тебе сотворит?» [Ibid., 21.12–13]. Согласно мировоззрению Ипатия, и могущественный чиновник Монаксий, и его рабы — все рабы одного Господина. А фраза «общего господина — Бога» потом встретится нам в новеллах Юстиниана. Может показаться странным, что один из влиятельнейших чиновников империи уступил пусть и влиятельному, но все же одному из многих игуменов. Сколько здесь от истинного положения вещей, а сколько от топосов агиографии, сказать сложно. Однако нам представляется важным, что оба участника истории действуют в отсутствие законодательных актов — Халкидонский собор еще не принял свои каноны, а императоры не издали свои конституции (мы имеем в виду только положения, касающиеся приема рабов в монастырь)⁵.

⁵ Противоположной точки зрения придерживается Дж. Бароне-Адези: «Ипатий, похоже, придерживается концепции “confugere к божественному покровительству” в явном противоречии с указаниями закона, данными ранее в CTh. 9. 45. 3 (Theodosiani libri XVI..., p. 519). В том, что касается *confugere ad ecclesiam*, конституция Аркадия 398 г. называет в числе беглых прежде всего рабов (*servus ancilla*), требуя их немедленной выдачи хозяевам» [Barone-Adesi, p. 300].

Что касается законодательных актов, то, как замечает А. Хаджиниколлау-Марава, «...византийские законы, главный наш источник, не позволяют найти ответы на все проблемы, которые возникают применительно к нашей теме (теме рабства. — А. В.). Эти законы зачастую представляют собой перевод или же извлечение из законодательства Юстиниана, которое, в свою очередь, черпает из римских законов предшествующей эпохи. Таким образом, нужно быть крайне осмотрительными, прежде чем признать, что тот или иной факт, процитированный в законах, относится к определенной эпохе. Однако среди византийских законов есть один оазис. Это новеллы императоров, декреты, обнародованные на протяжении всей византийской истории, чтобы разрешить проблемы, привлекавшие интерес современников каждого императора...» [Hadjinicolau-Marava, p. 8–9]. В нашем случае они позволяют судить об изменениях в отношении к уходу рабов в монастырь в ту или иную эпоху.

Другая сложность состоит в том, что часть законов, дошедших до нас от V в., была издана императорами Западной Римской империи, и возникает закономерный вопрос, насколько их можно привлекать для характеристики восточной половины империи — Византии.

Именно это надо иметь в виду, когда речь идет о первом законодательном акте на эту тему, принятом сразу после Халкидонского собора в 452 г. императором Валентинианом III — § 3 новеллы 35 [Theodosiani libri XVI..., p. 143]. В нем рабам и колонам, а также еще некоторым категориям лиц совершенно запрещается поступать в монастырь и клир, чтобы избежать бремени уготованного состояния (*vinculum debitae condicionis*). При этом ниже в § 6 уточняется, что если раб или оригинарий был рукоположен в епископы или священники, то он не возвращается в прежнее состояние так же, как если он пробыл диаконом не менее 30 лет. Столь суровый запрет по всей видимости оказался нежизнеспособным⁶.

Первый закон, изданный в восточной части империи — это конституция императора Зенона от 484 г. [C. 1. 3. 37 (Corpus Juris civilis, vol. 2, p. 24)], которая возвращается к положению, выработанному Халкидонским собором. Рабам разрешается становиться монахами с согласия хозяев, но с потерей доминия над ними (*eorundum servorum dominium... spoliandos*), пока они остаются монахами, но если рабы выходят из монашеского состояния, то они снова становятся рабами [Melluso, p. 201].

В отношении же адскриптициев, мало отличавшихся по своему положению от рабов, в том же 484 г. был издан закон [C. 1. 3. 36 (Corpus Juris civilis, vol. 2, p. 24)], запрещающий рукополагать их и постригать в монахи без согласия хозяина. Если хозяин согласен, чтобы его адскриптиций был рукоположен, он должен сначала его освободить.

⁶ Фрэйзи объясняет суровость этого закона политической ситуацией в империи, в частности, нашествием гуннов, когда государственные рабы и прочие упомянутые в законе категории не должны были оставлять свои обязанности [см.: Frazee, p. 268].

Следующие распоряжения о рабах, поступающих в монастырь, содержат уже новеллы Юстиниана. В предисловии к новелле 5 (535 г.), посвященной монастырям и монахам, жизнь, проводимая в монашеской аскезе, удостоивается всяческой похвалы [Nov. 5. praefatio (Corpus Juris civilis, vol. 3, p. 28)]. Здесь стремление примирить христианский идеал и реальность доведено до своего логического предела, а урегулирование конфликтной ситуации между рабом, хозяином раба и монастырем предельно детализировано. Во второй главе этой новеллы законодатель замечает, следуя выше процитированной максиме апостола Павла: «в божественном служении нет ни мужчины, ни женщины, ни свободного, ни раба. Итак, справедливо (подобает), чтобы во Христе все считались одним» [Ibid., p. 29–30]. Далее (§ 1) для принятия рабов в монастырь предлагается следующий порядок. После трехлетнего новициата (одинакового для рабов и свободных) рабы принимают постриг наряду с прочими послушниками, поскольку «перешли в общее для всех владение (имеем в виду небесное) и восхищены к свободе. Ведь если во многих случаях и по закону... дается таковая свобода, почему же не могла бы божественная благодать иметь силу освободить их от таковых уз?» [Ibid., p. 30]. Т. е. пострижение в монахи делает раба *ipso facto* свободным. Таково общее правило, затем следуют разъяснения и уточнения. Если до истечения срока послушничества в монастырь придет господин раба, он может потребовать вернуть раба лишь при условии, что сможет доказать, что это его раб, который убежал в монастырь, совершив преступление (в первую очередь — кражу), и, очевидно, опасаясь наказания. Только после предъявления подобных доказательств господин может забрать раба, в противном случае тот остается в монастыре и удостоивается пострижения (§ 2 [Ibid.]). Если раб удостоился пострижения за аскетический образ жизни, но в своей жизни в миру он совершил кражу у хозяина, в таком случае хозяину возвращается то, что он украл, а сам он остается монахом, поскольку «достаточно для свидетельства очищения согрешивших и успехов в добродетели трехлетнего срока». Последнее предписание содержится в § 3 этой же главы [Ibid., p. 31]. Насколько можно понять из обтекаемых формул, речь идет о рабе, который, не дожидаясь решения своей участи, покидает монастырь — такого раба приказано без всякого снисхождения обращать в рабство, как «избегающего божественного служения».

Несмотря на кажущуюся подробной регламентацию, в конечном счете решение о судьбе раба зависит только от игумена. Лишь настоятель может решить, насколько раб достоин, чтобы отстаивать его перед господином. Однако и такой закон, на наш взгляд, оставляющий место для произвола господина, — большой шаг вперед по сравнению с приведенными выше законами. Ведь здесь идет речь не только о простом разрешении господина. Упор делается на моральные качества послушника и лишь при явных доказательствах его преступления игумену придется выдать раба хозяину.

По прошествии 11 лет в гл. 35 новеллы 123 [Corpus Juris civilis, vol. 3, p. 618–619] было сделано уточнение. Игумен может постричь человека, если точно знает, что он не находится в какой-либо зависимости, особенно рабской.

Если же игумен не уверен в этом, то послушник должен пройти трехлетний срок новициата. В течение этого времени господин, доказавший, что послушник — его раб, колон или адскрипций (энапограф) (здесь еще одна поправка к тексту новеллы 5), или что он преступник, — может забрать раба. После пострига господин не имеет над рабом никакой власти и может лишь претендовать на возврат имущества, принесенного рабом в монастырь. Однако свободным он признается лишь пока остается в монастыре, причем в буквальном смысле, ибо в заключение данной главы сказано, что «да предастся он своей судьбе» (подразумевается возврат в рабский статус. — А. В.), если раб оставит монастырь и вернется в мир, или будет просто бродить по городам и селениям (*ἐν ταῖς πόλεσι ἢ ἐν ἀγροῖς περιέρχεται*). Таким образом, в этих двух новеллах интересы, так сказать, христианской религии превалируют над нормами обычного римского права. Перефразируя средневековую поговорку, можно сказать, что «Воздух монастыря делает свободным». Принятие монашеского чина автоматически делало раба свободным и освобождало от доминия земного господина. Бывший раб рассматривался как перешедший, еще раз процитируем эту фразу, «в общее для всех владение», т. е. он становится в прямом смысле слова «рабом Господним».

С приемом раба в монастырь тесно переплетается, по мнению некоторых ученых, тема беглых рабов, для которых церковь, а также монастыри становились убежищем [Rotman, 2009, p. 144, 252, note 97; Ванькова]. Ряд исследователей (особенно Й. Ротман) приравнивают законы о приеме раба в клир или его постриге к законам об убежище в церквях, принятым на протяжении IV–V вв. [Hadjinicolaou-Marava, p. 107; Rotman, 2009, p. 144; Melluso, p. 199–201]. Нам все-таки кажется, что это несколько разные вещи, хотя у них один субъект — рабы.

В связи с этим можно привести два казуса из новелл Юстиниана. Первый (новелла 5, гл. 2, § 1) предусматривает, что раб пришел в монастырь не ради подвижничества, а совершив кражу или иное преступление (*πταισµασι χαλεποῖς*) или же он вел в миру несправедную жизнь (*ἐπὶ βίῳ πονηρῷ; αἰσχροτήτα βίου*), — такого раба следовало выдать хозяину. Если же раб вел в миру достойную жизнь (*κόσμιός τε ἦν καὶ σεμνότητος ἐραστής*) (новелла 5, гл. 2, § 2), то он не возвращается хозяину независимо от того, закончился трехлетний срок его пребывания или нет.

На основании всего вышеизложенного можно предположить, что частью рабов двигало все же не религиозное чувство, а стремление выйти из-под власти хозяина. Но только частью.

Следующие дошедшие до нас законодательные распоряжения относятся к средневизантийскому времени. В восьмом титуле Эклоги, посвященной в том числе и освобождению рабов, содержится весьма краткое, но многозначительное замечание: «...И, наконец, если господин раба или госпожа его или их дети с ведома и разрешения родителей раба восприимут от святого и спасительного крещения, или если с ведома и по желанию господина раб станет клириком или монахом» (8. 1. 4. [Ecloga, p. 200])). Нам представляются важными две вещи.

Во-первых, только с ведома господина раб может стать клириком или монахом, никакие другие варианты здесь не приемлемы. Освобождение окончательное и обратной силы не имеет, по крайней мере, об этом ничего не говорится⁷. Знаменательно, что освобождение раба путем пострига или рукоположения сопоставляется в данном тексте с крещением как появлением на свет нового человека. Какие из процитированных выше законов из кодекса Юстиниана и его новелл вошли в Василики? В этот свод, как и следовало ожидать, вошел § 35 новеллы 123, с небольшими изменениями, не меняющими смысла, за одним исключением: *κολωνὸν* заменено на *μισθωτὸν* (B IV, 1.3) [Basilicorum libri LX, p. 113].

Однако император Лев VI Мудрый счел, что ситуация в империи не соответствует описанному в Василиках и издал специальный закон, регламентирующий постриг раба в монахи (новелла 10). Этот закон надо рассматривать вместе с двумя другими, касающимися рукоположения в клирики (новелла 9) и в епископы (новелла 11).

Новелла 10 начинается с похвалы монашескому деланию, но в случае пострига раба без ведома господина это может послужить предлогом для дурного замысла: «А что как не дурной замысел, раб через бегство от своего господина, приходящий к этому жителству?»⁸. Законодатель перечисляет основные положения § 35 новеллы 123 и в том числе те, которые касаются потери господином власти над рабом после его пострижения. По мнению Льва VI, такое законодательство предоставляет рабу основание сбежать от хозяина и, по истечении трехлетнего срока, получить свободу. Император постановляет: не имеет значения, когда хозяин узнает, что его раб стал монахом — господин раба вправе его истребовать в любое время, таким образом раб возвращается в рабство, лишаясь схимы. В заключении новеллы говорится, что если раб не смог вынести нескольких тяжелых испытаний и сбежал от хозяина, то как он сможет следовать образу жизни (*τὴν πολιτείαν*), требующего от подвизающегося в нем (*τοὺς πολίτας*) при любых обстоятельствах сосредотачивать все свои помыслы на смертном часе и на Кресте Христовом [Les Nouvelles..., p. 44–47].

Та же самая мысль проводится и в новеллах, посвященных хиротонии раба. В отличие от Юстинианова законодательства, пострижение и хиротония не делает раба свободным. В новелле 11 говорится, что, утаивая свой рабский статус, двух драгоценных достоинств — свободы и привилегий священства — добиваются воровством и обманом. А. Хаджиниколау-Марава реконструирует ход мысли Льва VI следующим образом: «Любой раб, ставший монахом, клириком или даже епископом против воли своего хозяина, совершает кражу, т. е. кражу себя самого, поскольку не принадлежит себе» [Hadjinicolau-Marava, p. 108].

⁷ Ниссен правильно замечает, что «здесь устранено ограничение закона Зенона и возвращение в прежний статус более не обеспечивается законом» [Nissen, p. 19].

⁸ Как заметил Б. Гранич, Лев VI Мудрый счел необходимым аннулировать положение Юстиниана, побудившее, вероятно, многих рабов к бегству, и ужесточить закон для защиты интересов собственников [Granič, S. 64].

Обратимся теперь к трем самым авторитетным толкователям византийского светского и церковного права, а именно к Зонаре, Аристину и Вальсамону, и рассмотрим, как они решали эту непростую дилемму соотношения норм христианской морали и законодательства — как светского, так и церковного. Мы видели уже, что церковное право настроено даже более решительно, чем светское, в отношении рабов, и предпочитает следовать тому положению Павла, согласно которому рабам надлежит терпеливо переносить иго рабства.

Итак, как понимали толкователи третье правило Гангрского собора? Находили ли они его справедливым или нет; следовали ли тому правилу, что, согласно божественному Писанию, все христиане равны и суть рабы Божии? Нет, ничего подобного мы у них не находим.

Зонара [РП, т. 3, с. 102] апеллирует к апостолу Павлу, цитируя еще два его послания (помимо приведенных выше); в первом тот призывает рабов «почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им» (1 Тим 6:1, 2). Во втором послании Павел призывает Тита учить рабов повиноваться своим господам (Тит. 2:9). Однако Евстафий Севастийский и его ученики, по мнению Зонары, нарушали эти предписания апостола Павла, а потому собор прав, что предал их анафеме.

Аристин ограничился простым пересказом данного канона, а вот Вальсамон, заимствуя из толкования Зонары ссылки на апостола Павла, далее привлекает и нормы светского права, на первый взгляд мало связанные с текстом канона Гангрского собора. Он цитирует новеллу 66 Льва VI, согласно которой тот, кто увел чужого раба, должен, помимо возвращения раба, уплатить его стоимость и возместить ущерб, который хозяин раба понес за время отсутствия раба, поскольку тот не выполнял свои обязанности (*τῆς ἐκ τοῦ ἐπιτηδεύματος πρόσοδου*) [Les Nouvelles..., р. 241]. Заключает он рассмотрение закона фразой: «И правило так наказывает тех, кто внушает рабам, что они не должны подчиняться господам, хотя бы это делалось под предлогом благочестия» [РП, т. 3, с. 102–103].

При более детальном рассмотрении становится ясно, что Вальсамон связывает текст древнего канона с текстом относительно недавнего закона и тем самым показывает: тот, кто учит раба не повиноваться своему господину и оставлять его под предлогом ухода в монашество, приравнивается к обычному похитителю рабов и, помимо церковного, должен понести и светское наказание.

Вальсамон также цитирует новеллу 1026 г. императора Константина VIII и патриарха Алексия Студита о предании анафеме тех, кто восстает против царей, кто составляет заговоры, дает советы или поощряет, а также снабжает оружием; помимо этого достойны анафемы и те, кто принимает их на покаяние, хотя они не раскаялись. Можно предположить, что действия тех, кто соблазнял рабов уйти в монастырь, приравниваются Вальсамоном к заговору и подрыву устоев государства.

В толковании на четвертый канон Халкидонского собора Зонара, следуя за определением отцов собора, приведенным выше, приравнивает прием раба в монастырь к богохульству. Его логика такова: поскольку господин будет оскорблен, если раба примут в монастырь без его согласия, то он начнет проклинять схиму и монахов и так дойдет до хулы на Бога [РП, т. 2, с. 227]. Аристин и Вальсамон лишь повторяют слова канона.

Ничего не изменилось для византийских канонистов и в XIV в. Матфей Властарь в 11-й главе титула Δ, говоря о третьем правиле Гангрского собора, повторяет аргументы Зонары, вспоминая послания Павла к Тимофею и Титу. Также он приводит четвертый канон Халкидонского собора, однако без заключительной части о богохульстве [РП, т. 6, с. 235].

Таковы взгляды канонистов на прием раба в монастырь. Нам осталось рассмотреть толкования Вальсамоном византийских законов, которые находятся в Номоканоне 14 титулов. К теме приема раба в монастырь Вальсамон обращается трижды: в гл. 36 1 титула (о рабах, поступающих в клир); в гл. 32 9 титула (о епископе и клириках, становящихся мирянами или перешедших на светскую службу) и в гл. 3 11 титула (собственно о рабах, поступающих в монастырь). Основная информация, как ни странно, содержится в толковании гл. 36 1 титула Номоканона. В разделе «Текст» (Κείμενον) приводятся закон 1.3.36, § 17, 4 новеллы 123, а также § 1, 3 новеллы 81 [Corpus Juris civilis, vol. 3, p. 398–399]. Но закон 1.3.36 содержит распоряжения не только касательно хиротонии рабов, но, как мы показали выше, и в отношении их пострига [РП, т. 1, с. 76–77]. В разделе «Толкование» (Σχόλιον) Вальсамон для того, чтобы лучше изъяснить положения законов, приводит не только вышеупомянутые законодательные распоряжения, но и новеллы 9–11 Льва VI [РП, т. 1, с. 77–81]. Мы ограничимся здесь рассмотрением только толкования Вальсамоном новеллы 10, которая касается пострига раба. Вальсамон дает краткое ее содержание и замечает, что он не нашел в законах положения, согласно которому хозяину давалась возможность вернуть своего раба в течение трех лет. Поскольку это положение содержится в § 35 новеллы 123, который Вальсамон приводит при рассмотрении гл. 32 9 титула и гл. 3 11 титула Номоканона, то представляется странным, почему здесь он не приводит этот текст. Интересно, как толкователь пытается примирить новеллу Юстиниана и новеллу Льва. С некоторой натяжкой он выделяет два случая, когда раб сбежал и как беглый укрылся в монастыре. Такого раба, считает Вальсамон, можно возвращать бессрочно, а того, кто объявил себя рабом, поступая в монастырь (τὸν μὴ ἐν φυγῇ μοναχὸν ὄντα δοῦλον, ἀλλ' ἐμφανίζόμενον ἐν τὸς μόνῃς τριετίας) [РП, т. 1, с. 79], господин может забрать только в течение первых трех лет пребывания в монастыре. Этот вариант согласования двух новелл явно искусственный, поскольку ни § 35 новеллы 123 Юстиниана не предусматривает бессрочного сыска беглых, ни новелла Льва VI не вводит каких-либо временных ограничений для подобных случаев.

Любопытно, что в конце длинного разбора различных законов Вальсамон счел нужным сделать специальное заключение, начиная его словом «Заметь»

(Σημείωσαι). И хотя вывод относится только к клирикам, мы приведем эти пункты, потому что они могли быть использованы и в случае пострига рабов. Во-первых, хиротония рабов без согласия господина недействительна. Во-вторых, существует ограничение по времени истребования своих рабов, а именно трехлетний срок со дня, когда хозяин узнал об этом (*ergo*: не с момента хиротонии!). Если господин никак не отреагировал на хиротонию своего раба, будучи о ней извещен, считается, что он ее принял. И последнее: «А то положение новеллы императора господина Льва Мудрого существует и соблюдается, чтобы господин мог в течение трех лет рукоположенного раба возвратить, существует и соблюдается ради справедливости...» [РП, т. 1, с. 81]. Ни в новелле 9, ни в новелле 11 нет положения о трехлетнем сроке, следовательно, можно предположить, что практика внесла свои коррективы в эти законы.

Схолии к гл. 32 9 титула и к гл. 3 11 титула Номоканона расширяют круг источников, приводя те тексты, которые мы анализировали в нашем исследовании, но ничего не добавляют к уже сказанному Вальсамоном применительно к гл. 36 1 титула.

Матфей Властарь в Синтагме приводит законы о рабах. О рукоположении или постриге раба говорится только применительно к новелле Льва Мудрого. И мы опять встречаемся с несуществующим в законе трехлетним сроком с того момента, как господин узнает о хиротонии или постриге раба [РП, т. 6, с. 236].

О том, что канонический запрет на постриг рабов соблюдался до последних дней Византии если и не всеми, то значительной частью монашествующих, свидетельствует типикон Нила Дамилы для женского монастыря Богоматери Пантанассы на Крите (1400 г.). Пятая глава типикона озаглавлена: «Не должно принимать чью-либо рабыню в монахини против воли ее господина». Основанием для запрета послужили не только возможные неприятности с хозяином рабыни, но и канонический запрет. Автор ссылается на третье правило Гангрского собора [Pétridès, p. 99–100].

Утверждение А. Хаджиниколау-Маравы, что «по вопросу, обладал ли раб-христианин правом стать монахом, клириком или епископом без ведома своего господина, имела место продолжительная дискуссия между Церковью и государством» [Hadjinicolaou-Marava, p. 106], представляется нам преувеличенным. Что бы ни писали в своих сочинениях отдельные отцы Церкви, в канонических источниках и сочинениях канонистов позиция Церкви выражена предельно ясно: раб без воли господина не мог стать монахом, клириком или епископом. Канон 451 г. был принят раз и навсегда, он не изменялся (в отличие от светских законов). О гуманизации законодательства можно говорить применительно к новеллам Юстиниана — этот император попытался возможно полно воплотить в жизнь максимум апостола Павла, предоставив всем — и рабам, и свободным — право (почти в равной мере) следовать своему религиозному призванию. Раб, принявший схиму, становился условно свободным, поскольку если он покидал стены монастыря, происходил возврат его в прежнее рабское состояние.

Источники

Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона. Русский перевод и примечания В. Нарбекова. Казань : Типолитография Имп. ун-та, 1899. Ч. 2.

Acta conciliorum oecumenicorum. Concilium universale Chalcedonense / ed. E. Schwartz. Berlin : W. de Gruyter, 1933. 2. 1. 2.

Basilicorum libri LX. Series A. Textus librorum : in 8 vols / eds. H. J. Scheltema, D. Holwerda, N. van der Wal. Groningen : J.B. Wolters, 1955. Vol. 1.

Callinicos. Vie d'Hypatios / trad., intr. par G. J. M. Bartelink. Paris : Les éditions du cerf, 1971.

Corpus Juris civilis. Vol. 1 : Institutiones, Digesta / eds. P. Krueger, Th. Mommsen. Berolini : Apud Weidmannos, 1889.

Corpus Juris civilis. Vol. 2 : Codex Justinianus / ed. P. Krueger. Berolini : Apud Weidmannos, 1906.

Corpus Juris civilis. Vol. 3 : Novellae Constitutiones / eds. R. Schoell, G. Kroll. Berolini : Apud Weidmannos, 1954.

Ecloga / ed. L. Burgmann. Frankfurt am Main : Löwenklau-Gesellschaft e. V. Frankfurt am Main, 1983.

Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Texte et traduction / eds. P. Noalles, A. Dain. Paris : Les belles lettres, 1944.

Pachomiana latina. Texte latin de s. Jérôme / éd. A. Boom. Louvain : Bureaux de la Revue, 1932.

Pétridès S. Le typikon de Nil Damilas pour le monastère de femmes de Baëonia en Crète (1400) // Изв. Рус. Археол. Ин-та в Константинополе. 1911. Т. 15. С. 92–111.

PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca / ed. J. P. Migne. Paris, 1857. Vol. XXXI.

Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes: consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae borussicae ediderunt Th. / eds. Th. Mommsen, P.M. Meyer, J. Sirmond. Berolini : Apud Weidmannos, 1905.

ΠΠ — Ράλλης Γ. Α., Ποτλῆς Μ. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἀγίων καὶ πανευφήμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἀγίων πατέρων : 6 τ. Ἀθήνησιν : Εκ τῆς Τυπογραφίας Γ. Χαρτοφύλακος, 1852–1859.

Исследования

Ванькова А. Б. Ранневизантийский монастырь и ius asyli (кон. IV в. — первая половина V в.) // Византийские очерки : труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. М. ; СПб. : Алетеия, 2011. С. 39–44.

Прот. Цытин В., Литвинова Л. В. Апостольские правила // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 3. С. 119–121.

Barone-Adesi G. Monachesimo ortodosso d'Oriente e diritto romano nel tardo antico. Milano : Dott. A. Giuffrè Editore, 1990.

Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München : C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959.

Frazee Ch. A. Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries // Church History. 1982. Vol. 51. No. 3. P. 264–279.

Gaudemet J. Les sources du droit de l'Église en Occident. Paris : Ed. Du Cerf et du CNRS, 1985.

Granič B. Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen // Byzantinische Zeitschrift. 1931. Vol. 31. P. 61–69.

Gribomont J. Le monachisme au IV-e siècle en Asie Mineure: de Gangres au Messalianisme // Studia Patristica. 1955. Vol. 2. Pt. 2. P. 400–415.

Hadjinicolau-Marava A. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes : L'atelier de l'Institut français d'Athènes, 1950.

Köpstein H. Zur Sklaverei im Ausgehenden Byzanz: Philologisch-historische Untersuchung. Berlin : Akad.-Verlag, 1966.

Melluso M. La schiavitù nell'età giustiniana. Disciplina giuridica e rilevanza sociale. Paris : Presses Universitaires Franc-Comtoises, 2000.

Nissen P. Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts. Hamburg : Gedruckt bei Lütke und Wulff, 1897.

Rotman Y. Les esclaves et l'esclavage: De la Méditerranée antique à la Méditerranée médiévale. Paris : Les Belles Lettres, 2004.

Rotman Y. Byzantine Slavery and Mediterranean World. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 2009.

Schminck A. Apostolic constitutions // Oxford Dictionary of Byzantium / ed. by A. P. Kazhdan. New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. Vol. 1. P. 141.

References

Barone-Adesi, G. (1990). *Monachesimo ortodosso d'Oriente e diritto romano nel tardo antico* [Orthodox Monasticism in the East and the Roman Law of the Late Antiquity]. Milano: Dott. A. Giuffrè Editore. (In Italian)

Beck, H.-G. (1959). *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich* [Church and Theological Literature in the Byzantine Empire]. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. (In German)

Frazee, Ch. A. (1982). Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries. *Church History*, 51, 3, 264–279.

Gaudemet, J. (1985). *Les sources du droit de l'Église en Occident du II au VII siècle* [The Sources of Canonical Law in the West between the 2nd and 7th Centuries]. Paris: Ed. Du Cerf et du CNRS. (In French)

Granič, B. (1931). Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen [The Monastery in the Leo VI the Wise's *Novellas* Law]. *Byzantinische Zeitschrift*, 31, 61–69. (In German)

Gribomont, J. (1955). Le monachisme au IV-e siècle en Asie Mineure: de Gangres au Messalianisme [Monasticism in 4th Century Asia Minor: From Gangres to Messalianisme]. *Studia Patristica*, II, II, 400–415. (In French)

Hadjinicolau-Marava, A. (1950). *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin* [The Studies on Slaves' Life in the Byzantine World]. Athènes: L'atelier de l'Institut français d'Athènes. (In French)

Köpstein, H. (1966). *Zur Sklaverei im Ausgehenden Byzanz: Philologisch-historische Untersuchung* [About Slavery in Late Byzantium: Philological and Historical Study]. Berlin: Akad.-Verlag. (In German)

Melluso, M. (2000). *La schiavitù nell'età giustiniana. Disciplina giuridica e rilevanza sociale* [Slavery in the Age of Justinian. Legal Discipline and Social Significance]. Paris: Presses Universitaires Franc-Comtoises. (In Italian)

Nissen, P. (1897). *Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts* [The Regulation of Monastery Life in the Roman Empire until the Late 9th Century]. Hamburg: Gedruckt bei Lütke und Wulff. (In German)

Rotman, Y. (2004). *Les esclaves et l'esclavage: De la Méditerranée antique à la Méditerranée médiévale* [Slaves and Slavery: From the Ancient to Mediaeval Mediterranean]. Paris: Les Belles Lettres. (In French)

Rotman, Y. (2009). *Byzantine Slavery and Mediterranean World*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Schminck, A. (1991). Apostolic Constitutions. In A. P. Kazhdan (Ed.), *Oxford Dictionary of Byzantium* (Vol. 1, p. 141). New York; Oxford: Oxford University Press.

Tsylin, V., & Litvinova, L. V. (2001). Apostol'skie pravila [The Apostolic Rules]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopaedia] (Vol. 3, pp. 119–121). Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia». (In Russian)

Vankova, A. B. (2011). *Rannevizantiiskii monastyr' i ius asyli (kon. IV v. — pervaiia polovina V v.)* [The Early Byzantine Monastery and ius asylii (Late 4th — First Half of the 5th Centuries)]. In *Vizantiiskie ocherki* [Byzantines Studies] (pp. 39–44). Moscow; St Petersburg: Aletheia. (In Russian)

Ванькова Анна Борисовна

кандидат исторических наук, научный
сотрудник Центра истории Византии
и восточнохристианской культуры
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: avankova@mail.ru

Vankova, Anna Borisovna

PhD (History), Research Fellow
Centre of Byzantine History
and East Christian Culture
Institute of World History
32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: avankova@mail.ru